

Я ускользаю от своей сторожевой собаки

Сола посмотрела в злые глаза странного зверя, произнесла повелительным тоном, указав на меня, и вышла из комнаты. Я задумался, что будет делать это кровожадное с виду чудовище, оставленное наедине с таким изысканным блюдом, как я; но опасения мои оказались напрасными, так как, осмотрев меня внимательно, это безобразное создание пересекло комнату по направлению к единственному выходу на улицу и вытянулось во всю свою длину у порога.

Это было мое первое знакомство с тарианской сторожевой собакой, но опыт этот оказался не последним, так как зверь добросовестно охранял меня все, то время, которое я провел в качестве пленника среди этих зеленых уродов. Дважды чудовище спасало мне жизнь и ни разу не покидало меня.

Я воспользовался отсутствием Сола, чтобы осмотреть комнату, которая оказалась местом моего заключения. Настенная живопись изображала сцены редкой и прекрасной красоты: горы, реки, озера, моря, луга, деревья и цветы, извилистые проселочные дороги – словом, все то, что могло бы быть изображено на Земле, если бы не иные цвета растительности. Работа принадлежала, очевидно, руке большого мастера, так прозрачна была атмосфера, так совершенна техника выполнения; но нигде, ни одного изображения животного, человека или зверя, на основании которого я мог бы судить об этих иных, вероятно вымерших, обитателях Тара.

Пока я предоставил своей фантазии совершать бешено-необузданный полет в поисках возможного объяснения странных аномалий, с которыми мне пришлось столкнуться, Сола возвратилась с едой и питьем. Она поставила еду на пол возле меня, а сама села поодаль, не сводя внимательного взгляда. Еда состояла из какого-то плотного вещества – похожего на сыр, лишённого всякого вкуса, а жидкость представляла собой, очевидно, молоко какого-то животного. Напиток был приятным на вкус, хотя несколько кисловат, впоследствии я очень полюбил его. Это не было молоко животного, как я узнал позднее, так как на всем Таре имелось лишь одно млекопитающее, являющееся, здесь большой редкостью. Добывали жидкость из большого растения, растущего совершенно без воды, накапливающего, свой обильный запас молока из почвы, влаги, воздуха и лучей солнца. Одно такое растение дает от восьми до десяти литров в день.

Насытившись, и почувствовав себя значительно лучше. Я ощутил потребность в отдыхе, и, растянувшись на шелковых тряпках, вскоре заснул и проспал, несколько часов. Когда проснулся, было уже темно и очень холодно. Я обнаружил, что кто-то набросил на меня меховое покрывало, но оно соскользнуло, и в темноте я никак не мог найти его. Вдруг чья-то рука положила на меня его, а вскоре прибавила еще одно.

Я подумал, что это Сола была моим верным стражем, и не ошибся. Из всех зеленых тарианцев, с которыми мне пришлось сталкиваться, только в этой девушке я нашел черты симпатии, приветливости и преданности.

Ее забота обо мне была неусыпна, а доброе отношение избавляло от многих страданий и трудностей.

Как я узнал впоследствии, ночи на Таре чрезвычайно холодные, а так как здесь нет ни сумерек, ни зари, то перепады температуры всегда очень резки и неприятны, как и переход от яркого дневного света к полному мраку. Ночи либо ярко освещены, либо совершенно темны.

Если на небе нет ни одной из двух лун, внизу царит абсолютный мрак, в противном случае, если обе луны появляются на небе, то поверхность планеты ярко освещена.

Обе луны Тара значительно ближе к планете, нежели наша Луна к Земле. Ближайшая луна находится всего на расстоянии в пять тысяч километров; наша же Луна отделена от Земли расстоянием в четверть миллиона.

Ближайшая луна делает полное обращение вокруг планеты в течение семи с половиной часов, так что два-три раза в ночь можно видеть ее пролетающей по небу, подобно огромному метеориту, и при каждом своем пробеге она показывает все свои фазы.

Более отдаленная луна обращается вокруг него в тридцать с четвертью часов и, вместе со своим спутником, превращает ночную панораму в исключительно величественное и великолепное зрелище. Хорошо, что природа так милостиво и щедро осветила ночь, так как зеленые, будучи кочевым племенем без высокого интеллектуального развития, имеют в своем распоряжении лишь самые примитивные средства искусственного освещения, применяя главным образом факелы, род свечи и известную лишь на Таре масляную лампу, испускающую особый газ и горящую без фитиля.

Изобретение это дает очень яркий, далеко распространяющийся белый свет, но так как натуральное масло, требующееся для него, может быть добыто лишь посредством рудокопных работ в нескольких весьма отдаленных и глухих местах, то аппарат этот применяется очень редко. Они активны лишь в дневное время, а отвращение ко всякому мыслительному труду оставило их в полудиком состоянии в течение неисчислимого ряда лет.

После того как Сола накинула на меня покрывало, я вновь заснул и не просыпался уже до самого утра. Остальные пять обитателей комнаты были женщины, и все они еще спали, покрытые целыми горами пестрого шелка и мехов. У порога лежал, вытянувшись, бессонный сторожевой зверь, точно в той же позе, каким я видел его накануне. По-видимому, с тех пор он не пошевелил ни единым мускулом; глаза его были неотрывно устремлены на меня, и я подумал о том, что было бы со мной, если бы мне вздумалось бежать.

Я всегда был склонен к приключениям и экспериментам там, где более разумные люди спокойно выжидали естественного хода событий. На этот раз мне пришла в голову мысль, что лучшим способом изучения истинного отношения ко мне этого чудовища будет попытка выйти из комнаты. Я был совершенно уверен, что стоит мне только выйти из здания, и я с легкостью ускользну от него, так как начал твердо верить в свои прыгательные способности. Судя же по его коротким ножкам, я мог с уверенностью сказать, что страж мой не прыгун и даже не скороход.

Медленно и осторожно я встал на ноги, и в то же мгновение мой часовой сделал то же самое. Я осторожно продвигался к нему, причем обнаружил, что при помощи качающейся поступи я могу сохранять равновесие и довольно быстро продвигаться вперед. Когда я приблизился к чудовищу, оно отодвинулось в сторону, чтобы дать мне пройти, затем двинулось за мной, следуя на расстоянии десяти шагов, пока я шагал по пустынным улицам.

– Очевидно, его миссия состоит лишь в моей охране, – подумал я. Но когда мы дошли до окраины города, он внезапно прыгнул вперед меня, издавая странные звуки и обнажая свои уродливые и страшные клыки. Желая немного позабавиться, я бросился к нему и в двух шагах от него прыгнул вверх, поднялся высоко и вылетел за пределы города. А он несясь вперед с быстротой, которая казалась мне совершенно невероятной. Я думал, что его короткие ноги не могут быстро двигаться, но оказалось, что если он пустится бежать вместе с борзыми

собаками, то последние показались бы черепахами по сравнению с ним. Как я узнал потом, это самое быстрое животное на Таре. Благодаря сообразительности, преданности и свирепости, его используют на охоте, на войне и в качестве сторожа.

Поняв, что мне будет трудно ускользнуть от когтей чудовища, если буду продвигаться по прямой линии, поэтому я стал бросаться в разные стороны, поднимаясь в воздух каждый раз, как только он приближался ко мне. Этот маневр принес мне значительное преимущество над моим преследователем, и я достиг города намного раньше, а когда он, запыхавшийся, догнал меня, я прыгнул на тридцать метров вверх и вскочил прямо в окно одного из зданий, выходящих в долину.

Ухватившись за подоконник, я уселся на нем, не заглядывая внутрь и не отводя взора от разъяренного животного внизу. Торжество мое, однако, было весьма кратковременным, так как не успел я удобно примоститься на подоконнике, как огромная рука схватила меня сзади за шиворот и с силой втащила в комнату. Здесь я был брошен на спину и увидел прямо перед собой обезьяноподобное существо, белое и безволосое, за исключением лишь огромного пучка щетинистых волос на голове.

Битва, одарившая меня друзьями

Существо, гораздо больше походившее на наших земных людей, нежели виденные мною до сих пор зеленые тарианцы, держало меня пригвожденным к полу одной громадной лапой, одновременно болтая и оживленно жестикулируя другой. Второе существо, очевидно товарищ первого, вскоре приблизилось к нам, неся в руке большую каменную дубинку, которой собиралось прихлопнуть меня.

Существа эти были от 3 до 4 метров высоты, когда они стояли прямо во весь рост, и имели, подобно зеленым, по несколько промежуточных рук и ног, посередине между верхними и нижними конечностями. Глаза их были посажены близко друг к другу и не вращались, уши помещались высоко, но ближе к затылку, чем у зеленых, их зубы и морды были точно такие же, как у нашей африканской гориллы. Они не лишены были привлекательности по сравнению с зелеными тарианцами.

Дубинка уже покачивалась под сводом комнаты, прямо над моим обращенным вверх лицом, как вдруг какое-то ужасное многоногое животное ворвалось в дверь и бросилось на него. С воплем ужаса, державшая меня обезьяна выскочила в открытое окно, в то время как ее товарищ схватился не на жизнь, а на смерть с моим избавителем, оказавшимся не кем иным, как моим верным сторожевым зверем. Я никак не мог заставить себя называть это чудовищное существо собакой.

Постаравшись как можно быстрее вскочить на ноги и, прислонившись к стене, стал наблюдать схватку. Сила, ловкость и ярость этих двух существ не похожи ни на что, известное земному человеку. Первый прием дал преимущество моему защитнику, так как его могучие когти впились в грудь его соперника, но огромные лапы и руки обезьяны, снабженные мускулами, значительно превосходящими мускулы виденных мною до сих пор, схватили горло моего стража и медленно выжимали из него жизнь, запрокинув ему голову назад, так что я был уверен, что тот каждую секунду может упасть со сломанной шеей.

Грудь обезьяны была изодрана в клочья ужасными когтями моего спасителя. Они катались по полу, причем ни один не издал, ни звука ужаса или боли. Я видел, что глаза моего зверя совершенно вылезли из орбит, а из ноздрей его течет кровь. Было совершенно очевидно, что он слабеет, то же самое происходило и с обезьяной, движения которой делались все менее и

менее резкими.

Внезапно я пришел в себя и, следуя странному инстинкту, который всегда призывал меня к исполнению: моего долга, схватил дубину и, взмахнул ею, изо всей силы ударил обезьяну по голове, расколов ее череп, как яичную скорлупу.

Не успел я нанести этот удар, как уже стоял лицом к лицу с новой опасностью. Товарищ обезьяны, пришедший в себя после первого ужаса, вернулся в дом. Я заметил его прежде, чем он успел войти в дверь, и, должен сознаться, что при виде его, ревущего над безжизненным телом товарища, охваченного безграничной яростью, с пастью, покрытой пеной – мою душу охватили мрачные предчувствия.

Я согласен вступить в борьбу, когда шансы противника не слишком превышают мои, но в данном случае я не усматривал целесообразности в попытке помериться с ним силой. По моему мнению, единственным исходом такого столкновения должна была быть моя смерть.

Я стоял близко к окну, и у меня мелькнула мысль, что стоит мне очутиться на улице, как я смогу достичь площади и одновременно полной безопасности прежде, чем зверь успеет схватить меня; тут был шанс на спасение.

Правда, в руке у меня была дубина, но что я мог поделать с ней против четырех огромных лап моего соперника. Если даже я сломаю одну из них первым ударом, он схватит и сомнет меня остальными прежде, чем я соберусь с силами для повторного нападения.

В то время как эти мысли проносились у меня в голове, я обернулся к окну, чтобы привести свой план в исполнение, но в этот момент мой взор упал на моего стража, и мой проект полета испарился. Он лежал на полу совершенно обессиленный, и его огромные глаза, не отрываясь, глядели на меня с выражением мольбы о защите. Я не мог противостоять этому взгляду, не мог покинуть своего спасителя, не вступившись за него, так же, как он вступился за меня. Итак, без дальнейших колебаний я повернулся, чтобы встретить нападение разъяренной обезьяны. Она была теперь так близко от меня, что я мог пустить в ход дубину соответствующим образом, поэтому я просто нанес ей сильный удар. Удар пришелся под колено, дубинка вылетела из рук, зверь взвыл от ярости и боли. Он потерял равновесие и повалился прямо на меня с протянутыми вперед лапами.

Я опять прибег к человеческим приемам: кулаком правой руки я нанес ему сильный удар в подбородок, и непосредственно за этим моя левая рука ударила его под ложечку. Эффект превзошел все ожидания: когда после второго удара я отступил немного в сторону, он взвыл и упал навзничь, извиваясь от боли и задыхаясь. Перепрыгнув через его распростертое тело, схватив дубинку, и не дав ему даже подняться на ноги, прикончил его. Когда я нанес второй удар, тихий смех раздался позади меня. Обернувшись, я увидел Тарс Таркаса, Солу и еще трех или четырех воинов, стоявших в дверях комнаты. Когда мои глаза встретились с их глазами, я снова услышал рукоплескания, которые они дарят немногим, да и то в исключительно редких случаях.

Проснувшись, Сола заметила мое отсутствие, о чем быстро уведомила Тарс Таркаса, немедленно отправившегося с горсточкой воинов на поиски. Когда они приблизились к окраине города, то увидели как разъяренная обезьяна, бросилась внутрь здания.

Они последовали за ней, не полагая, однако, что она поможет им обнаружить мое местопребывание. И вдруг, совершенно неожиданно для самих себя, они оказались зрителями разыгравшейся на их глазах короткой, но решительной схватки. Этот бой, равно как и

вчерашний, с молодым воином, а также моя ловкость по части прыжков сильно подняли меня в их глазах. Не признавая никаких чувств дружбы, любви или преданности, эти люди преклонялись перед физической силой и отвагой. Объект кажется им достойным обожания, пока он поддерживает свое положение повторением примеров ловкости, силы и храбрости.

Сола, сопровождавшая по собственному желанию воинов, искавших меня, была единственным существом, которое не смеялось, когда я боролся за свою жизнь. Напротив, она, казалось, была охвачена мрачным беспокойством, и как только я прикончил чудовище, бросилась ко мне и заботливо осмотрела мое тело, ища на нем раны или повреждения. Удостоверившись, что я вышел из битвы целым и невредимым, она спокойно улыбнулась, и, взяв меня за руку, направилась к двери комнаты.

Тарс Таркас и другие воины вошли в комнату и остановились возле быстро приходившего в себя существа, спасшего мою жизнь, и жизнь которого я спас в свою очередь. Они, о чем-то рассуждали, наконец, один из них обратился ко мне, но, вспомнив, что я не знаю их языка, вновь обернулся к Тарс Таркасу, который одним словом и жестом отдал какое-то приказание воину и повернулся, чтобы последовать за нами.

Во всем этом я усмотрел что-то угрожающее моему зверю, и не решался уйти, прежде чем не узнаю, в чем дело. И я хорошо сделал, так как воин вытащил из-за пояса огромный пистолет и уже хотел прикончить им животное, но я прыгнул к нему и схватил его за руку. Пуля пробила деревянную облицовку окна и взорвалась, пробив огромное отверстие в дереве и каменной кладке.

Тогда я встал на колени возле этого ужасного на вид существа и, поставив его на ноги, приказал ему следовать за мной. Мой поступок привел тарианцев в полнейшее недоумение: они совершенно не понимали таких чувств, как благодарность и сострадание. Воин, у которого я выбил из рук оружие, вопросительно посмотрел на Тарс Таркаса, но тот знаком приказал предоставить мне возможность поступать по-своему. Итак, мы возвратились на площадь – за мной по пятам следовал мой большой безобразный зверь, а рядом со мной шла Сола. В конце концов, на Таре у меня оказалось двое друзей – молодая женщина и безголосый зверь, в уродливой оболочке которого было больше любви, нежели у всех зеленых, скитавшихся по мертвым морям Тара.